

- ² Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2003. С. 9.
³ Там же. С. 10.
⁴ Эко У. Эволюция средневековой эстетики. СПб., 2004. С. 243.
⁵ См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 111, 415.
⁶ Там же. С. 5.
⁷ Эко У. Открытое произведение. С. 80.
⁸ Там же. С. 80–81.
⁹ Эко У. Поэтики Джойса. С. 387.
¹⁰ Эко У. Открытое произведение. С. 9.
¹¹ а слова для Джойса // Ad Marginem '93. Ежегодник. М., 1994. С. 360–361.
¹² Там же. С. 359.

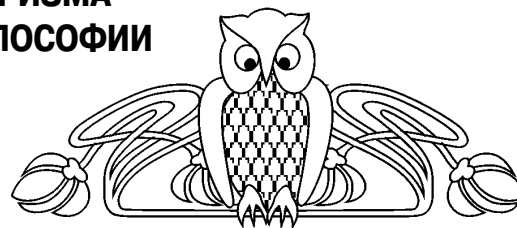
- ¹³ Деррида Ж. Указ. соч. С. 363.
¹⁴ Там же. С. 364.
¹⁵ Там же. С. 365.
¹⁶ Эко У. Открытое произведение. С. 17.
¹⁷ См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 471.
¹⁸ *Joseph J. Finnegans Wake*. London, 1992. P. 628.
¹⁹ Эко У. Поэтики Джойса. С. 351.
²⁰ См.: *Joseph J. Finnegans Wake*. P. 3.
²¹ Эко У. Открытое произведение. С. 10.
²² См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 336–337.
²³ Там же. С. 353.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. С. 355.

УДК [1:2] (470)

В ЗАЩИТУ НАПАДАЮЩИХ: ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ АНАЛИЗА ТОТАЛИТАРИЗМА В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А.В. Кузьмин

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: 2022181@mail.ru

В статье анализируются основные послы русской религиозной философии к важности исследования внутриличностных процессов духовной деградации личности и причины появления самой возможности прихода тоталитаризма. В традиции же современного истолкования проблемы все чаще приходится слышать лишь о «деградации общества», что представляется неверным, ибо такой широкий и поверхностный взгляд чреват ошибками в прогнозах и приходом самого тоталитаризма.

In Defence of the Assailants: The Origins and the Essence of Totalitarianism's Analysis in Tradition of Russian Religious Philosophy of the Silver Age

A.V. Kuzmin

This article examines the basic reference and access of Russian religious philosophy to importance of research into intrapersonal processes of the person spiritual degradation and the reason of the opportunity of totalitarianism's becoming. But more and more often we've got to hear about "degradation of the society" in modern interpretation of the problem. We understand this tendency as incorrect because such wide and superficial consideration of the problem is fraught with mistakes in prognoses and ascertainment of the totalitarianism.

Всё чаще взоры современных исследователей тоталитаризма обращаются на характерные черты этого явления лишь в плоскости социальных процессов, предавая забвению причинно-следственные связи этой патологии на личностном уровне. Стремясь понять законы тоталитарного мышления, объяснить причины существования в

этом мышлении механизмов оправдания насилия, найти предпосылки и заметить признаки тоталитаризма будущего – эти и другие задачи мыслятся теперь как разрешимые, если можно ответить на вопросы, которые ставятся только в плоскости изучения социального пространства.

Вследствие этого предается забвению анализ тоталитаристских идей на уровне индивида, что чревато неверными ожиданиями и прогнозами: ведь тоталитаризм немислим без человека, так как именно индивид является носителем идей тоталитаризма. Конечно, нельзя не согласиться с утверждением, что тоталитаризм немислим без какого-либо общества, и это очевидно. Но доказанность того, что тоталитаристские идеи получают свою легитимность сначала на уровне личности, а уже потом всего общества, является также очевидной. И эта очевидность стала таковой именно в отечественной философии периода, который принято называть Серебряным веком. Уже тогда философы, обращающие внимание на потенциальную опасность таких тоталитарных режимов, как политическая власть коммунистов и нацистов, со всей очевидностью говорили о неизбежности грядущих катастроф, показывая в качестве ярчайших примеров образцы начала деградации личности именно на уровне мышления¹.

Нападая с беспощадностью на малейшие признаки и проявления тоталитарного мышления, философы Серебряного века исходили из опыта внутриконфессионального подхода русского

Православия, в частности, аскетики, апеллируя к опыту так называемой «созерцательной» жизни христианина, направленной на обретение свободы личности, освобождения от власти закона «мира сего». Провидя в этом законе все признаки порабощения воли человека и легкую возможность совершения насилия по отношению к себе подобным, что характерно именно для тоталитарного типа мышления, русская религиозная философия в большинстве случаев делала упор именно на недопустимости деградации личности.

Что такое «тоталитаризм»? С чего начинается тоталитарный режим в стране или каком-либо другом обществе? Появление этого термина приписывается Карлу Шмитту², государственному деятелю тоталитарного Третьего рейха, академическому профессору, юристу и политическому мыслителю, который на закате своей жизни стал убежденным католиком.

Подобно его витиеватым рассуждениям о том, что человек алогичен в своих описаниях Земли, человек становится алогичен в своих описаниях и тоталитаризма. Называя описание планеты «картиной суши», хотя на самом деле, по процентному соотношению воды и суши, следовало бы называть все «картиной моря», мы, как считает Шмитт, тем не менее, являясь сынами суши, мыслим об окружающем нас с позиции, которая нам кажется наиболее логичной, ибо когда мы смотрим на море и рассуждаем о нем, мы стоим на берегу³. То же самое можно сказать и о последствиях, которые несёт тоталитаризм: об его ужасах мы начинаем говорить, когда смотрим на бушующее море человеческих страданий с берега спокойной рассудительности и осуждаем все ОБЩЕСТВО, забывая осудить ЧЕЛОВЕКА как причину всего этого. Следуя своей алогичности, мы становимся рабами своих выводов и делаем ошибки, которые закладывают фундамент для тоталитаризма будущего. Предсказать же тоталитаризм можно, только заметив тревожные черты в нравах людей, в построении логики оправдания зла, когда цели начинают оправдывать средства.

Термин «*totalitarismo*» (от итал. *totalitario*) описывает политический режим, для которого характерен всеохватывающий, тотальный контроль государством (или любым другим типом власти) всех без исключения сторон жизни человека и общества. Идея оправдания этого контроля, цели, ради которых этот контроль осуществляется, и способы его применения вытекают из идеологии, которую принимает общество в качестве руководства к действию. Кроме того, эта идеология может быть и не принята на первых порах, но посредством создания видимости этого со стороны правящих кругов доминирующая идеология становится единственной из существующих в государстве (или любом другом типе социума).

Приход тоталитарного типа мышления осуществляется в тот момент, когда человек готов оправдать зло, когда «полное отсутствие всякого

сопротивления – и внешнего, и внутреннего, требует, чтобы прекратилось осуждение, чтобы стихло порицание, чтобы возобладало одобрение зла»⁴.

Суждения о тоталитаризме с позиции только анализа социальных механизмов⁵ ограничиваются убеждениями, что сущность этого явления заключается, как правило, только в нескольких характеристиках – это всеохватывающая идеология, однопартийность, террористическая полиция и партийно-государственная монополия в области коммуникаций и экономики⁶. Один из представителей данного подхода пишет: «Идеология тоталитарных систем обычно детально разработана, охватывает все стороны человеческого бытия. От каждого гражданина требуется полное принятие этой идеологии (по крайней мере, на словах и в официальном поведении). Эта идеология, как правило, нацелена на построение совершенного общества конца исторического развития, иными словами, идеология тоталитаризма хилястична. При радикальном отрицании существующих общественных систем она стремится к покорению всего мира»⁷.

Причина, по которой опускается значение и важность личностного участия в построении тоталитарного режима, кроется в следующем: основное внимание уделяется социальным процессам, что, конечно, тоже важно, но когда на этом анализ тоталитаризма заканчивается, это приобретает тревожные черты, так как опускается сама суть исследований⁸. Следствием таких ошибок может стать поиск абстрактного образа врага в виде современных типов построения социума, что является первым шагом к тоталитарному типу мышления.

Идеология тоталитаризма всегда религиозна, даже если проповедует атеизм⁹. И религиозная природа суждений о необходимости социальных изменений ведет к тому, что действия людей в условиях тоталитарного режима приобретает черты религиозного культа. Для того чтобы всесторонне анализировать причины насилия со стороны тоталитарного типа мышления, необходимо признать ряд положений, и одно из них – это признание существования зла как душевной склонности *каждого* человека¹⁰. Одним из главных достижений русской религиозной философии является утверждение того, что понятия добра и зла – не просто понятия, что это категории, которые могут быть предельно персоналифицированы. И эта персоналифицированность буквально заставляет философию окунаться в размышления о религиозной природе явлений социальной жизни. А обогащает это философию или обедняет – решает уже приверженность той или иной школе философствования. Это, скорее всего, останется вопросом принципа теоретических построений.

Признание априорного наличия зла в природе человека относит сферу интересов в анализе

тоталитаризма к самому человеку, так как «зло начинается там, где начинается человек и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла»¹¹. Встречная реакция на подобного рода видение проблемы заставляет искать «противоядие» от зла, которое кроется в сопротивлении человеком злу в самом себе. Наличие зла и его признание за добро может быть только при условии духовной слепоты, что возможно только при наличии стремления к духовному оздоровлению, а это отрицает само понятие вражды и признает благодатность любви¹².

Опыт преодоления зла на уровне индивида полностью повторяет свою логику при рассмотрении опыта преодоления зла на уровне всего общества. Для преодоления духовной слепоты необходимо понуждение, которое возможно только в плане физическом и психическом, «причем и самозаставление, и заставление других может иметь и психический, и физический характер»¹³. Заставление постоянно граничит с таким понятием, как *насилие*, и эти два понятия нередко ассоциируют между собой, совершая распространенную ошибку, рассмотрение которой позволяет отличить тоталитаризм от других форм правления. «В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; насильник есть человек, престапующий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий – угнетатель и злодей. Против насилия надо протестовать, с ним надлежит бороться»¹⁴. Таким образом, «насилие» представляется «предсудительным заставлением»¹⁵, и это заставление становится насилием, когда служит идеям зла. Таким образом, задачей исследований тоталитаризма должно являться не только раскрытие социальных механизмов осуществления тоталитарного принципа управления (хотя это тоже важно, но существенно только на последних, завершающих уровнях анализа), а и исследование целей той или иной идеологии, что невозможно без четкого осознания того, что является добром и что является злом в самом человеке.

Это самый проблемный этап исследования сущности тоталитаризма, который полностью зависит от духовных принципов исследователя, его духовных оснований. Если же их нет или если они социально не одобряемы в том обществе, для пользы которого данные исследования осуществляются, то исследователь ограничивается как раз только «социальным» видением проблемы существования тоталитаризма. А это уже не исследование, не философский анализ, а профанация философской рефлексии, обман, который чреват горькими последствиями для общества, в котором трудится такой «ученый».

Ни в коей мере не претендуя на критику философии тоталитаризма в понимании таких авторов, как Ортега-и-Гассет, Тальмон, Арон и

других, исследующих именно социальные аспекты сущности тоталитаризма, хочется выразить настойчивую необходимость уделять должное внимание анализу именно идеологии тоталитарного мировосприятия и механизмов оправдания добра и зла при воплощении этих идеологий в конкретные политические программы, как это часто происходило в традиции русской религиозной философии Серебряного века. Без этих понятий, без раскрытия их сущностных свойств тоталитаризм для исследователя остается непознанной тайной.

Итак, эти действия требуют от исследователя конкретной, четко осознаваемой им духовной платформы, духовной позиции, а уж какая она будет – религиозная, политическая или какая другая – суть одна – исследуя феномен тоталитаризма невозможно сохранить «научную объективность», «безоценочное суждение», так как подобного рода подход к проблеме будет чреват либо неверными выводами, на что наука об обществе и человеке не имеет права, либо самообманом, который хоть и сладостен, но совсем не претендует на роль истины.

Совершенно иные черты приобретает тоталитаризм, а также образ и специфика его постижения и анализа, когда исследуемый предмет касается религиозного сознания, когда тоталитаризм при-сущ религиозному вероучению. Исследуя феномен тоталитаризма в религиозных сообществах, следует помнить о нескольких отличительных особенностях сущности самой религии. По точному определению С.Л. Франка, «религия есть жизнь в общении с Богом, имеющая целью удовлетворение личной потребности человеческой души в спасении, в отыскании последней прочности и удовлетворенности, незыблемого душевного покоя и радости»¹⁶. Религия — это прежде всего форма духовной деятельности¹⁷. И эта духовная деятельность направлена на постижение *Бога*, на поклонение некоему божественному началу, если говорить обо всех религиозных традициях. Религиозное сознание своим постоянным фоном имеет память о том, что Бог есть.

Тоталитаризм предельно ориентирован на *личность*, которая является проводником некоей идеи, к воплощению которой стремится данная тоталитарная идеология (как это можно наблюдать в попытках достижения «светлого будущего» в советском коммунизме или «тысячелетнее царство Третьего рейха» в немецком национал-социализме). Тоталитаризм предстает своего рода религией, объектом поклонения которой является авторитарный лидер. Но религиозное сознание не появляется само по себе, по факту наличия человеческого сообщества. Религиозное сознание сначала мыслит себя в субъективном аспекте, а уж потом следуют предписания, как необходимо строить «светлое будущее» или «Третий рейх», кто виноват в бедах конкретного народа и кого необходимо объявить врагом этого народа для

последующего уничтожения ради блага последнего.

Таким образом, тоталитаризм предстает как извращенное религиозное сознание и из-за этого меняется не только сущность данного явления, но и вырисовываются совершенно иные перспективы существования тоталитаризма. Результаты его деятельности начинают приобретать удручающие черты. Тоталитаризм предстает как источник страданий, ибо он начинает допускать насилие, становится образом достижения деструкций не только отдельно взятой личности, но и всего общества в целом.

Почему так происходит? Почему благие цели начинают приобретать черты деспотии, подавления всякого свободомыслия? Как такое возможно, что стремление человека построить рай на земле всегда заканчивается сущим адом и для окружающих и для его строителей? Ответ предельно прост — причиной всего является тоталитаризм, так как это есть извращенное религиозное понимание мира, перед которым оправдываются любые крайности и преступные допущения. Цель начинает оправдывать средства, поскольку всякое строительство (даже строительство рая) необходимо, по человеческой логике, закончить как можно скорее, используя, мягко говоря, крайние меры. «Дело в том, что и воля, в основе своей благая — воля, руководимая не личной корыстью или похотью, а нравственным мотивом любви к людям, стремления спасти их от страданий и неправды и утвердить праведный порядок жизни — может также, сочетаясь с безмерностью и дерзновенным своеволием, оказаться волей безумной и в своем безумии выродиться в волю преступную и гибельную»¹⁸.

Всякая политическая *идея* достижения счастья для всего человечества, по природе своей религиозная, становится *утопией*, несущей страдания и с каждым шагом к достижению этой цели отдаляющая от этого счастья. Причинно-следственная связь в переходе от замысла добра к осуществлению зла ради добра кроется в методах, которые позволяет себе использовать это извращенное религиозное сознание. Достаточно точно определение того, что такое утопия, мы находим опять же в русской религиозной философии: утопия — это не общая мечта об «осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страдания, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может — а потому и должно быть как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством; другими словами, это есть замысел спасения мира устрояющей самочинной волей человека»¹⁹.

Религиозное сознание, сама его природа, требует порядка в мыслях относительно окружающей действительности. Не случайно Библия начинается повествованием о том, как был сотворен мир. Кем он был сотворен, каким образом и

какой смысл этого творения должен знать человек, сам являющийся творением. В любой религии мы найдем попытки построения логики окружающего мира, ибо этого требует религиозное сознание. Но этого также требует и *извращенное* религиозное сознание — тоталитаризм.

«Можно сказать, что никакие злодеи и преступники не натворили в мире столько зла, не пролили столько человеческой крови, как люди, хотевшие быть спасителями человечества»²⁰. Для тоталитарного типа мышления необходима логика окружающих вещей, так как религиозное поклонение требует уверенности в том, что объект поклонения обладает истиной. Что объект поклонения — идея, идеология и цели этой идеологии, лидер, несущий избавление от страданий посредством достижения этих целей — все должно иметь логическое обоснование. Если же предметы необходимого осмысления тоталитарной идеологии выходят за рамки опыта (к примеру, представление идеала будущего или осмысление прошлого), то в тоталитаризм начинает привноситься элемент *веры*. Человек *религиозно верит* в «светлое будущее».

Таким образом вырисовывается и противоядие от тоталитаризма — это возвращение человека к неискаженной, неизвращенной религиозной вере, основанной на любви, традиционной, культуuroобразующей религиозности. Ориентированность индивида на внутреннего человека (аскетика) гарантирует от появления тоталитаристских идей всякую личность и не позволит обществу, состоящему из таких личностей, идти по пути тоталитаризма, хотя и здесь появляются многие аспекты рисков для человека, так как религиозная мотивация, заменяющая собой любое иное видение мира и не допускающая в себе разномыслия, способна увести в такие же извращенные понятия о человеке и об обществе, что о достижении счастья для них тогда никто и не вспомнит.

Примечания

- 1 Иван Ильин, Николай Бердяев, Семен Франк и др.
- 2 *Поспеловский Д.* Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003. С. 21.
- 3 *Шмитт К.* Море против земли (статья вышла впервые в журнале "Das Reich" 09.03.1941).
- 4 *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. М., 2005. С. 12.
- 5 Главенствующую роль в этом подходе занимают такие авторы как Збигнев Бжезинский, Карл Фридрих, Дмитрий Поспеловский, вкупе с такими авторами, как Ортега-и-Гассет, Тальмон, Раймон Арон и др.
- 6 Цит. по: *Поспеловский Д.* Указ. соч. С. 23.
- 7 Там же.
- 8 Как правило, после этого социологического анализа начинаются приводятся примеры исторических форм тоталитаризма, условия прихода к власти лидеров

тоталитарных государств, а анализ самого явления незаметно упускается из виду.

⁹ Это признают и вышеозначенные авторы. По крайней мере, Дмитрий Поспеловский пишет об этом в книге «Тоталитаризм и вероисповедание». Но, по нашему мнению, слишком поверхностно и мало, хоть название книги должно было бы обязывать к этому.

¹⁰ Ильин И.А. Указ. соч. С.13.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.33.

¹³ Там же. С.38.

¹⁴ Ильин И.А. Указ. соч. С.43.

¹⁵ По терминологии Ивана Ильина.

¹⁶ На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 324–332. Впервые опубликовано: Философия и религия // Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. Т. 1. С. 5–20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. С. 126.

¹⁹ Там же. С. 126–127.

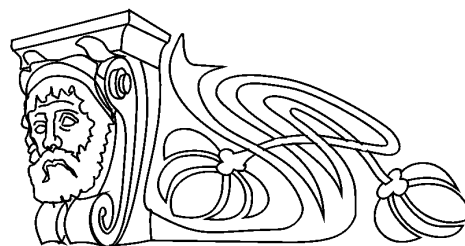
²⁰ Там же. С. 127.

УДК 111+929 Хайдеггер

ХАЙДЕГГЕРОВСКИЕ ИСТОКИ СТРАТЕГИЙ ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

С.М. Малкина

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: MalkinaSM@rambler.ru

Статья посвящена анализу практических аспектов хайдеггеровской герменевтики, нашедшей отражение в деконструкции Ж. Деррида. Герменевтика Хайдеггера фундирована его онто-герменевтикой, что определяет ее цели и задачи. Существенной ее чертой является деконструкция истории философии. В статье выявляется ряд герменевтических стратегий онто-герменевтики Хайдеггера, развиваемые и переосмысляемые Ж. Деррида.

Heidegger's Sources of Deconstructive Hermeneutic Strategies

S.M. Malkina

This article is dedicated to the analysis of practical aspects of Heidegger's hermeneutics, derivation of which Derrida's deconstruction is. M. Heidegger's hermeneutics is founded by his onto-hermeneutics, and that defines its purpose and tasks. Its essential feature is destruction of the history of philosophy. In the article set of strategies of Heidegger's onto-hermeneutics, developed and rethought by J. Derrida is explicated.

Понятие деконструкции как стратегия онто-герменевтики

Существенной чертой, унаследованной от хайдеггеровской постановки вопроса о бытии деконструктивистской герменевтики Жака Деррида, является особенное отношение к философской традиции. До Хайдеггера философы если и уделяли предшественникам какое-либо внимание, то делали это в аристотелевском духе критической преемственности, никогда не ставя прочтение предшественников во главу угла. Для Хайдеггера же вопрос внимательного отношения к философской традиции, ее деконструкция становится принципиальным вопросом.

Хайдеггер указывал, что смысл бытия необходимо искать через исследования темпоральности

Dasein. Но зададимся вопросом: какое отношение к вопросу о смысле бытия имеет время, причем не само по себе, а как временность особого вида сущего? Более того, Хайдеггер называет время «горизонтом всякой понятности бытия и всякого толкования бытия»¹. Чтобы прояснить этот вопрос, необходимо опять обратиться к понятию пространственности.

Сразу определимся: пространственность здесь не означает, что время – это не дополнительная ось на пространственной системе координат, не четвертое измерение. Здесь, конечно же, имеется в виду экзистенциальная пространственность, то есть разомкнутость настоящего здесь и сейчас, например, в прошлое и будущее.

Итак, значимым является лишь настоящее. «Это присутствующее (в широком смысле) есть как раз в настоящем присутствующее и в нем властвующая несокровенность, которая раздвигает существо присутствующего как и не в настоящем присутствующего»². Прошлое является для нас значимым только тогда, когда оно соотносится с настоящим и является уже данностью настоящего. Наше философствование всегда уже предопределено традицией, и мы движемся в ее экзистентной самопонятности. С другой стороны, человеку присущ экзистенциал *заботы*, фундированный исходным онтическим отношением Dasein к его бытию. Реализуется же экзистенциал заботы либо в озабоченном вопрошании человека о его бытии, либо в неподлинном модусе как озабоченность вещами, как путь блужданий от одной вещи к другой. Во временном же ракурсе рассмотрения забота проявляет себя как направленный в будущее проект, то есть то, что сущностно касается настоящего и чем человек озабочен. Таким образом, прошлое и